

ПРОРОК ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ.

НЕСКОЛЬКО ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ

Кн. обозрение. — 1994 — Июнь (№ 23). — С 22-23

Вермонтский отшельник ступил на российскую землю. Российская действительность, именуемая просто житой, внесла коррективы в первые минуты его пребывания на родине: подле трапа во владивостокском аэропорту наплыв встречающих сузил поле деятельности для принесения земного поклона родине — после девятнадцатилетнего отсутствия.

Что будет дальше? Этого не знает никто. Даже президент. А он у нас непредсказуем. Солженицын — тоже непредсказуем. Введи его в Президентский Совет (если там сидит Достоевский и Булгаков-дека, то писателю сам Бог велел!) — может отказаться. Может и не отказаться. Впрочем, можно и не вводить. И первое, и второе, и третье влечет опять-таки непредсказуемые последствия...

Едва ступив на русскую землю, вермонтский отшельник стал отвечать на насущные русские вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?», «Кому на Руси жить хорошо?» — и, что удивительно, давая на них ответы. Поневоле вспомнилось, как десятилетия назад некий Владимир Ильич, пробыв на чужбине чуть поменьше, впрочем, чем Александр Исаевич, сделал — по газетам и письмам рабочих анализ обстановки с выводом, так далеко идущим, что вся Россия затем с пеннием «Интернационала» прошла свой семидесятилетний путь, ничем не отличающийся от пути на Голгофу. Интересно, что наудал вермонтский отшельник за два десятка лет на чужбине и с какими «апрельскими тезисами» придет он на Финский... извините, Ярославский вокзал?

Литературный жанр «советы постороннего» или «советы издалека» самый распространенный и неблагодарный в России. Только мы привыкли к нему. А пока единственно полезное, что мы узнали: Земля — круглая; если тебя вышлют на Запад — вернешься с Востока. Что узнаем дальше? Что?.. Александр ЩУПЛОВ.

Р.С. Однажды — уже давным-давно — когда Егор Кузьмич Лигачев был брошен на подлеме сельского хозяйства и ежевечерне появлялся на голубом экране, — Юрий Чернышенко заметил: вот, мол, Егор Кузьмич нынче ездит по стране, знакомится с сельским хозяйством и узнает для себя много нового... А всем узанным делится с телезрителями страны...

Не повторилось бы. А.Ш.

Евгений Евтушенко: «СОЛЖЕНИЦЫН-ХУДОЖНИК СИЛЬНЕЕ СОЛЖЕНИЦЫНА-ПОЛИТИКА...»

— Солженицын-писатель, Солженицын-политик, Солженицын-пророк... Какой Солженицын близок Евгению Евтушенко?

— Многие судят о Солженицыне только с политической точки зрения. Для меня явление Солженицына было явлением какого-то потока прорвавшейся воспоминанной свежести и самоцветности русского языка. Считаю, что «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка» и многие куски его прозы написаны замечательно; это блистательный, светящийся русский язык. Русский язык — стихи Александра Исаевича. Переводить Солженицына — подвиг: очень трудно. При всей политической ангажированности у него в языке безусловно есть что-то лесковское. Я наслаждаюсь его языком, читаю многие куски, — не думаю о политике. Это — одна часть такого большого явления, как Солженицын.

С Солженицыным случилась одновременно и радость — и трагедия. Солженицын нашел свою родину, но потерял своего врага, с которым он боролся всю жизнь: коммунизм. Я, например, никогда не был яростным антикоммунистом. Мне была всегда свойственна искренняя революционная романтика — и я не жалею об этом. В какой-то степени эта романтика свойственна мне и сейчас. Мне очень многое нравилось и нравится в идеях социализма. Они совсем не противостоят внутри меня христианским идеалам. Я просто считаю, что то, что произошло у нас и называло себя «социализмом», на самом деле к идеям социализма никакого отношения не имело. Это была новая форма феодализма: Сталин — царь, феодалы — секретари райкомов и обкомов...

— ...Политбюро — боярская дума. Здесь вы единодушны с Эдуардом Лимоновым, который считает, что наше общество губило и губит бюрократия.

— Для Солженицына — такой «социализм» был яростным врагом. Всю свою жизнь он посвящал борьбе с этим врагом. Если Маркс написал «Коммунистический манифест», то «Архипелаг ГУЛАГ» — это антикоммунистический манифест, который Солженицын положил на весы Истории. В конечном счете, этот антикоммунистический манифест сейчас, на данном этапе, пока — будем говорить так! — очень сильно перевесил детские основоположников коммунистической идеологии...

— Солженицын — пророк. С него спрашивается по гамбургскому сучу.

— Солженицын ошибся как пророк: он настолько ненавидел коммунизм, что иногда у него проявлялись не совсем приятные нотки. Это естественно: когда человек что-то ненавидит, это мешает ему как художнику. Именно поэтому у Солженицына в его прекрасном романе «В круге первом» Сталин получил карикатурный. Писатель не столько его ненавидит, что не мог написать его как серьезного противника. В том же «Архипелаге ГУЛАГ» в некоторых местах проскальзывают нотки торжества рассказчика: мол, коммунисты начали уничтожать коммунистов. Мне кажется, когда проскальзывают эти невольные нотки торжества, нарушается принцип христианства. Но и в «Архипелаге ГУЛАГ» — уникальное произведение, написанное в жанре крика, — Солженицын-художник сильнее Солженицына-политика. Скажем, он декларирует свой антикоммунизм, но одновременно рисуя образ партийца Власова,

алтайского коммунистического начальника, который не подчиняется указам Сталина, — показывает его как героического человека. Реальность всегда выше любой политической схемы, будь то схема коммунистическая или антикоммунистическая.

Мне кажется, известный политический схематизм сужал возможности Солженицына как художника. А между тем у Солженицына есть прекрасные лирические куски прозы! В том же «Раковом корпусе» — выход героя, проход его по зоопарку... Чудесные куски! А Русанов получил плохим, плоским. Солженицын ненавидит плакаты — Русанов же получил плакатным. Большевистские рисовали на своих плакатах карикатурных буржуев — Солженицын нарисовал карикатурного большевика.

У Солженицына есть прекрасное чувство пейзажа... Но он настолько превратил свою жизнь в борьбу, что отошел от лирики, которая всегда, кстати, была свойственна русской прозе. Солженицын втянул на себя политическую задачу, а бы сказал даже, мессинскую. Во имя нее он многим жертвовал как художник: в первую очередь лирикой — за счет публицистики.

В Солженицыне — колоссальная энергия. Врачи, лечащие Александра Исаевича, рассказывали мне, что когда-то, будучи безнадежно больным, он настолько сосредоточился на творчестве, что сумел победить болезнь. Мне кажется, при своей колоссальной энергии Солженицын может победить и старость. Он может жить долго — и писать, продолжать эволюционировать. Не надо думать, что человек, которому за семьдесят, не может эволюционировать. Уверен, что Солженицын

может сейчас написать «совершенно неожиданные вещи... Мне бы хотелось услышать лирические варианты таких же писем, под которыми теперь будет стоять «Владивосток», «Иркутск», «Новосибирск»... — словом, весь железнодорожный маршрут Александра Исаевича, хотя правомочнее вместо этих железнодорожных модификаций поставить далекое близкое «Вермонт».

Кем сейчас станет для России Солженицын? Детонатором нового взрыва? Дестабилизирующим фактором? Проповедником с функциями исповедника (тезис о необходимости покаяния не сходит с его уст)? Советником с функциями ответчика («За всех расплачусь, за всех расплачусь...»)?.. Ясно одно — функция пророка себя исчерпала; и потому, что пророков нет в своем отечестве, и потому, что слишком большая конкуренция среди наших пророков (один дворянин, один военнопленный Советского Союза генерал Руцкой — круглая; если тебя вышлют на Запад — вернешься с Востока. Что узнаем дальше? Что?.. Александр ЩУПЛОВ.

— Я боролся против реальности, которая называла себя «коммунизмом». Думаю, коммунизм не существовал. Он, может быть, и не может существовать. Это другой вопрос.

— Но призрак его может бродить — с заходом в шестую часть земли с названием кратким «СНГ».

— Призрак его может бродить — в очень неприятных обличиях... Буду говорить только о себе: я всю жизнь боролся с цензурой. Выступал против нее, писал в правительстве письма... Цензура, например, запретила мою поэму «Мама и нейтрона бомба». Потом она получила Государственную премию. Первое, что я сделал после присуждения Государственной премии, — написал письмо с требованием отмены цензуры, как таковой! После этого главный редактор Советского Союза Романов, прочитав мою поэму «Фуку», вызвал редактора и сказал: «Однажды у вас получилось с поэмой Евтушенко «Мама и нейтрона бомба», но вот эту антисоветскую вы не напечатаете, пока будет существовать Советская власть вечно...» Так сказал товарищ Романов. И оказался, как видите, не слишком хорошим пророком — как и Александр Исаевич Солженицын — его непримиримый идеологический противник. Ибо, по Солженицыну, коммунизм угрожал завоевать весь мир? Но этого не случилось. Итак, враг исчез. Кстати, и мой враг — цензура — тоже исчезла. Я чувствую себя иногда как-то странно: образовалась пустота, вакуум. Хочется бороться, добиваться напечатания...

— Как вы думаете, с какими конфликтами может столкнуться на родине Александр Исаевич?

— Есть люди, которые без его спора, разумеется, всячески используют его имя. Вообще, сейчас Солженицына захотят использовать разные люди, партии, течения... Кстати, про Солженицына распускаются слухи: антисемит. Сегодня утром перелистал «В круге первом» и нашел замечательное место, на которое раньше не обращал внимания: Солженицын говорит о том, что в сталинском времени 1948 года, когда замечательное слово «космополит», которое определяло лучших людей человечества, низвели до брани, до обвинения, превратив его в синоним оскорбительного слова «жид». Эти слова Солженицына забыты многими, в том числе и мною. Полезно напомнить их тем, кто ждет от писателя присоединения к войне русского шовинизма. Надеюсь, его мудрость и горький опыт позволят ему разобраться... Я бы не хотел, чтобы он занимался политикой. Я бы хотел, чтобы он написал солженицынскую лирику.

— Если бы повторился 1974 год — год высылки Александра Исаевича, — вы бы поступили так же, как тогда, или нашли другую линию поведения?

— Я послал тогда телеграмму протеста и позвонил шефу КГБ Андропову с очень романтическим сообщением: мол, если состоится процесс над Солженицыным, я готов умереть на баррикадах... На это Андропов мне грубо ответил: «Пропитесь!».

— Разве что, вы говорите о мире ином...

— Может быть, я трактую Солженицына не совсем верно, но у него, мне кажется, существует идея славянофильского государства, довольно авторитарного — при очень сильной роли церкви. Может быть, впрочем, его взгляды эволюционировали. Может быть, он изменился. Может быть, так он думал когда-то, а сейчас будет думать по-другому...

— Какое, к черту, славянофильское государство, если братья-славяне передрались между собой из-за крымского пирога с военно-морской начинкой?! Неужели кто-нибудь в России сейчас все еще принимает проекты лопатобородых культ-лапотников: «Кубыть, мабуль, ядрена вошь — газета «Анадырь»...»

— Приезд Солженицына на родину, безусловно, принесет ему много счастья. Для русского человека надкусить антоновское яблоко — это уже счастье! Таких яблок с таким ароматом нигде на свете нет!

— С другой стороны, Солженицын был и остается непримиримым врагом пошлости, бульварщины, стандартной культуры... Уже от одного вида наших книжных прилавков он, как протопол Аввакум, может обрушить свой громовой голос на эту скверну.

Солженицын — один из немногих людей, который заслуживает при жизни памятника. И возвращение его на родину — это огромный шаг. Он не сможет жить в России так, как он жил в Вермонте, — отгородившись забором от жизни. Он — сам часть России, слишком большая ее часть. Я очень рад возвращению на родину этого большого русского человека.

— Как вы думаете, с какими конфликтами может столкнуться на родине Александр Исаевич?

— Есть люди, которые без его спора, разумеется, всячески используют его имя. Вообще, сейчас Солженицына захотят использовать разные люди, партии, течения... Кстати, про Солженицына распускаются слухи: антисемит. Сегодня утром перелистал «В круге первом» и нашел замечательное место, на которое раньше не обращал внимания: Солженицын говорит о том, что в сталинском времени 1948 года, когда замечательное слово «космополит», которое определяло лучших людей человечества, низвели до брани, до обвинения, превратив его в синоним оскорбительного слова «жид». Эти слова Солженицына забыты многими, в том числе и мною. Полезно напомнить их тем, кто ждет от писателя присоединения к войне русского шовинизма. Надеюсь, его мудрость и горький опыт позволят ему разобраться... Я бы не хотел, чтобы он занимался политикой. Я бы хотел, чтобы он написал солженицынскую лирику.

— Если бы повторился 1974 год — год высылки Александра Исаевича, — вы бы поступили так же, как тогда, или нашли другую линию поведения?

— Я послал тогда телеграмму протеста и позвонил шефу КГБ Андропову с очень романтическим сообщением: мол, если состоится процесс над Солженицыным, я готов умереть на баррикадах... На это Андропов мне грубо ответил: «Пропитесь!».

ВЕРНУЛСЯ ЛИ РОССИЯ К ПРОРОКУ?

ВОЗВРАЩЕНИЯ А.СОЛЖЕНИЦЫНА

Потом редактор «Правды» Зимаин рассказывал мне, что мой звонок кое-какую роль-таки сыграл: оказывается, я позвонил в момент совещания, на котором решался вопрос, что делать с Солженицыным? Несмотря на то, что они следили за ним, они совсем не изучили его психологию: они думали, что Александр Исаевич хочет уехать за границу и, если они его схватят, то он сам напишет нужное заявление. Плохие были работники, не профессионалы!

— Потому в дальнейшем шеф КГБ и стал очередным генсеком... Так вот, в КГБ не соображали, что Солженицын никогда на это не согласится. И тогда в самом деле напали люди, которые хотели чисто по-нашенски, по-русски: арестовали, а потом стали думать, что с Солженицыным делать? Вдруг оказалось, он не хочет уезжать за границу. Тут-то и была выдвинута так называемая «твердая» линия (теми, кто пытался гнуть «твердую линию» — в сторону сталинизма и закручивания гаек) идея: а почему бы его не засадить? И в этот момент как раз позвонил я... Как мне рассказывал Зимаин, мой звонок дал повод для размышлений: «Уже начинаются протесты интеллигенции...». Словом, это косвенно подействовало на то, что все закончилось высылкой Александра Исаевича.

Я сделал тогда единственно то, что мог сделать. Бывают ситуации, когда нельзя молчать. Я не считаю это особым мужеством или чем-то еще. Если вы у меня спросите, боялся-ли я посылать телеграмму и звонить? — отвечу: конечно, боялся. Но преодолел этот страх.

— Я спросил вас потому, что сейчас некоторые «солженисты» предпочитают не помнить и о евтушенковском звонке 1974 года. А получаю, что Евтушенко боялся — не сделал это. А наши некоторые нынешние очень храбрые писатели (даже с военным прошлым — тот же Юрий Васильевич Бондарев) — не сделали ничего!

— К сожалению, некоторые писатели, которые когда-то под-

писывали письма против Солженицына, называли его «духовным власовцем». — после того, как он получил Нобелевскую премию, пытаются сделать его своим знаменем, цитируют... Разумеется, делается это без разрешения писателя. Так бывает всегда: великого человека пытаются использовать в своих целях. Между прочим, Пушкина тоже хотели использовать — в свое время.

— В свое время не удалось — сейчас использовали.

— Совершенно верно: они берут «Клевветникам России» и выпячивают то, что им нужно. Даже в рецензии на мой последний роман «Не умирай прежде смерти», напечатанной в газете «Завтра», — пытаются использовать отдельные куски романа так, как хочется. В литературе это происходит неизбежно: всегда находится кто-то, кто хочет использовать кого-то или что-то.

...В завершение нашего разговора вновь возвращаюсь к Солженицыну: я очень хочу, чтобы он долго жил, потому что он может написать очень много — и

совершенно неожиданное. Я не хочу терять Солженицына-гражданина, но очень хочется, чтобы сейчас в нем проявилась лирическая струя, которой он ранее, может быть, жертвовал во имя осуществления своего гражданского долга — выиграть войну с тем, что он называл «коммунизмом».

Александр Иванов: «ВСЕ-ТАКИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ!»

Должен признаться в своей ошибке: я принадлежал к тем, кто никак не мог поверить, что Александр Исаевич вернется. Спросите: почему? Иногда застринет в голове какая-то собачья чушь, и никакая силой ее оттуда не вытряхнешь. Я, как сейчас, помню стих из журнала «Крокодил»:

Возник нужник «Архипелаг ГУЛАГ» и сразу продан заграницам.
Грязь, вонь, изменнический флаг — а в центре — сочинитель Солженицын.

Принадлежит этот шедевр перу Сергея Смирнова... Мне как-то не верилось, что Александр Исаевич может вернуться в такую «грязь». Но, видимо, я недооценил его любви к России, любви к родине. Все-таки — возвращается. И этому можно только порадоваться, потому что у нас не так много живых великих писателей. Добро пожаловать, Александр Исаевич!

Эдуард Лимонов: «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН РАЗРУШИТЕЛЕН ДЛЯ РОССИИ»

Александр Исаевич решил сыграть роль царя, барина, возвращающегося к своим субъектам, подданным. Естественно, он решил захватить с Аляски, с Владивостока. Теперь он неспешно продвигается в трансибирском экспрессе — в стиле Агаты Кристи — стоя на подножке, с бордой, приветствуя местные население, пейзаж, рабочих, интеллигенцию. Очевидно, он ожидает, что все они выйдут с балалайками — в стиле 1913 года, босиком — кланяться вслед поезду барина. Он хочет приехать, как в свое время имам Хомейни — в Иран. Или — как Нельсон Мандела: в Президентское кресло — или еще куда метит наш всемирный так называемый пророк. Мне активный не приятен его стиль приезда. Впрочем, и сам он мне был всегда активен. В свое время он умудрился восстановить весь Запад, всю остальную часть глобуса против русских. В своем

«Архипелаге ГУЛАГ» он, естественно, метил в коммунистов. Но результат его работы оказался иным: ГУЛАГ стали во всем мире ассоциировать с нами — с русскими. Не с коммунистами — а с русскими! По моему, нам очень долго еще не отмыться от этой порочной работы господина Александра Исаевича.

Помню, когда я был в Америке в 1975-м, началась новая волна «холодной войны» после публикации первого тома «Архипелага ГУЛАГ». Этого никто не может отрицать. Позднее этот человек жаловался во всяких своих гарвардских речах на то, что мир идет семимильными шагами к третьей мировой войне. Господин хороший, вы-то, собственно говоря, эту войну и готовили!

Когда-то, в 1990-м, начальники французских спецслужб посоветовали президенту Рейгану встретиться с двумя людьми — Александром Солженицыным и

Джоном Савимби. Последний, как известно, уже 19 лет ведет войну за независимость в Анголе. И страна эта просто-напросто опустошена личностью и качествами Савимби.

Александр Солженицын также разрушитель для России, как Савимби — для Анголы. Стиль Александра Исаевича — это допотопный — унижает русского человека. Для Солженицына современный русский человек — несуществующий наш прадед, что-то образца 1913 года. Между тем страна давно перепрыгнула через Александра Исаевича и его ментальность. Она не считалась с его теоретическими положениями, с его ставкой на союз славянских наций — Украины, Белоруссии, России... Мы, кажется, уже готовимся едва ли не воевать с Украиной в Крыму (и рано или поздно, я думаю, столкновение это произойдет), а Александр Исаевич все проталкивает нам эти

консервативные — с бородой — истины. Солженицын — сторонник Руси феодальной, он — враг русской империи, враг СССР. СССР он старался разрушить. Российскую империю — тоже. Я ставлю его на одну доску с такими же феодальными идеологами, как грузинский Гургенидзе, который — за свою маленькую, гнусную, феодальную Литву... Александр Исаевич — за свою маленькую, гнусную Россию, подчеркиваю — свою, маленькую, гнусную Россию, где в школах будут обучать православию, ружьяне будут плясать на полянках под звуки веселой музыки, а писатели будут ходить в валенках и сидеть за дощатыми столами. Из всего вышесказанного ясно, что это человек не люблю — и очень не люблю! В чем остаюсь — преданный вам Эдуард ЛИМОНОВ.

Сергей ЗАЛЫГИН: НАША ФИЛОСОФИЯ НАЧИНАЛАСЬ И КОНЧАЛАСЬ ВОПРОСОМ: «ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ?..»

— Наши занимались военной цензурой, — когда мы печатали «Страйбат» С.Каледина — говорит С.Залыгин. — Когда печатали «Оддья» Л.Габиева, — торевная цензура. Приходилось иметь дело с атомной цензурой — в связи с публикацией «Чернобыльской тетради»: ее осуществляли сразу... 6 министерств, причем все шестеро министров были единодушны: печатать нельзя... Именно поэтому «Чернобыльская тетрадь» была напечатана в «Новом мире». Главный редактор Сергей Павлович Залыгин остался верен себе. А еще Залыгин — первый беспартийный редактор этого самого солидного из русских журналов. А еще — путевку в жизнь ему давал сам Твардовский. А еще — в 27 номерах «Нового мира» печатались произведения Солженицына, а в седьмом номере в этом году увидит свет новая работа вермонтского отшельника «Русский вопрос в юбке XX века».

Оказавшись на одном из выступлений писателя на заседании Вольной Академии духовной культуры в подмосковном городе Жуковском, ваш корреспондент воспользовался случаем и взял близкий интервью у давнишнего друга «КО» СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА ЗАЛЫГИНА.

— Буду писать, не будет писаться — не буду... Я свою жизнь прожил. Книжкой больше, книжкой меньше — какая мне разница. Сам себя я уже не переделаю. Вместе с переводом и переизданием у меня вышло больше 200 книг. Будет, понимаю, 221-я книга. Что дальше?

— Какая книга вам наиболее дорога?

— У меня такой нету... Они разные все...

— В последний раз в интервью для «КО» вы сказали, что вместо книг сейчас читаете рукописи, присланные в журнал.

— Зато у нас есть Толстой и Достоевский, а у них нету.

— Нету! И еще у нас есть Лосев. Он, наверное, первый из настоящих философов... А так мы все время думали и думаем о себе: кто мы такие? Француз, просыпаясь утром, не думает: что такое Франция? Что такое он — француз? Никогда!

— Несколько лет назад у «Нового мира» был тираж в 2 млн. Сейчас, кажется, 50 тыс. Какой тираж вы считаете более естественным?

— 2 млн. неестественный тираж журнала. Он и не нужен. Мы к нему не стремились. Так получилось. Самый лучший, на мой взгляд, тираж для журнала — 100 тыс. Журналов сейчас много. Пусть читают все.

— Толстых журналов осталось, кажется, не больше десятка... — Наоборот. «Толстых» журналов сейчас столько расплодилось! Вы знаете такой журнал «Мера»? Не знаете! А он издается в Питере — и очень неплохой журнал.

— А как же быть с конкуренцией? Эта «Мера» возьмет — да измерит-ваших авторов на свой гонорарный аршин! — Что поделаешь...

Беседавал Александр ЩУПЛОВ.